

**ОЛЕГ
ШИШКИН**
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ДЕТЕКТИВ

ИЗМЕНИТЕЛЬ

ИЛЛЮСТРАЦИИ
КОНСТАНТИНА БАТЫНКОВА

Издательство АСТ
Москва

Изменитель

Роман

Эту историю я выслушал десять лет назад в Гаване от одного русского на Старый Новый год.

Накануне я посмотрел «Щелкунчика» в Большом театре Гаваны, и после премьеры, на шумном пати, меня представили великой слепой приме — Алисии Алонсо¹ и *этому человеку*. Суতোлка премьеры, тосты, экзальтированная среда балетного мирка, брызги шампанского не дали нам поговорить. Тогда мы с ним и решили, что потолкуем обстоятельно завтра с утра.

Назначенная беседа состоялась в лоджии небоскреба на проспекте Малекон. Эмилио, хозяин квартиры, где я останавливаюсь на пути в Мексику, принес нам кубинский кофе, напоминающий эспрессо, тростниковый сахар и ром, так что атмосфера доверительности была абсолютной. Порывы океанского бриза только подыгрывали напряженному рассказу земляка. Мне передавалось его волнение, даже легкая дрожь (а там было чему удивляться). Хотя, признаюсь, было трудно поверить в замысловатый рассказ об Изменителе: то ли аппарате грез, то ли могущественном осуществителе желаний — одним словом, предмете, имеющем характер почти что магический. Мой скепсис так до конца и не был побежден. Хотя многое меня поразило и очень увлекло, так что мы проговорили с тем русским несколько часов. И когда он окончил рассказ, я долго вглядывался в панораму Атлантики, что открывалась с тринадцатого этажа:

¹ Алисия Алонсо (1920–2019) — балерина, хореограф, создательница Национального балета Кубы.

Изменитель

погода испортилась окончательно, океан сделался черным-черным и стал накрапывать дождь...

Теперь рассказчика нет в живых, и я решил-таки пересказать услышанное. Хотя понимаю, что в полной мере не смогу достичь его высокого градуса — он-то был и жертвой, и свидетелем, а я — всего лишь его случайный исповедник.

Я допускаю, что мой знакомец кое-что мог и додумать, приукрасить. Возможно, рассказу чуть-чуть добавил градуса и приторный ром, и пряный аромат курений, что ветер приносил с балкона соседки Эмили, какой-то местной пианистки: в тот вечер она наигрывала в максимальном миноре, кажется, Chan chan¹.

Допускаю, что и сам я мог что-то не расслышать, недопонять и потому исказить или истолковать превратно. (Прости меня, покойник!) Но это ведь не свойство моего сердца, а следствие прогрессирующей с возрастом тугоухости.

Да, я глухну. И врачи сказали, что скоро совсем потеряю слух...

Словом, вот во что превратился монолог того русского из Гаваны.

¹ Песня из репертуара современного кубинского проекта Buena Vista Social Club.

ЛЕВ В МОЛЧАНИИ

1977 год. Москва.

Пятницкая, 25, – Плотников переулок, 12

1

Им всем сказали, что они вовсе не подставки для микрофонов, а советские солдаты идеологической войны в радиоэфире Московского международного радио. Что их главный жанр — это рассказ о жизни страны, а не уход в дебри искусства, где ничего не разберешь, кроме безыдейной тематики. И весь этот доспасоссизм¹ и хемингуэвщина, которые слова доброго-то не стоят, должны быть отринуты и в литературе, и в журналистике. Или другая крайность — писатели-деревенщики, почвенники, которые подают советского человека как дебила. Это вообще никому не интересно и не нуж-

¹ От фамилии Дос Пассос. Джон Дос Пассос (1896–1970) — американский писатель, представитель литературного течения «потерянного поколения».

но и отвлекает от глубокого по своей сути переживания нового витка классовой борьбы. Тем более что в год шестидесятилетия Октября планетарная политическая схватка выходит на новый этап. И уже вот-вот произойдет завершающая битва перед окончательным торжеством главного события мировой истории, которым является победа прогрессивных сил во всем мире...

Когда инструктор горкома партии товарищ Сеткин отбарбанил, на трибуне актового зала появился главный редактор радиостанции товарищ Кике и понеслось:

— «Есть хлеб — будет и песня: недаром так в народе говорится», — пишет в замечательнейшей и ценнейшей книге воспоминаний «Целина» Генеральный секретарь нашей партии, трижды Герой Советского Союза, величайший борец за дело мира, лауреат Ленинской премии мира Леонид Ильич Брежнев. Нашим хлебом, товарищи, является наш труд. Главной удачей в этом сезоне стала, как и всегда, передача «Коммунист у микрофона». Не мне вам говорить, что это подлинное чудо, и не мне вам объяснять почему. Я слушал передачу затаив дыхание, ловил каждое слово и повторял: всё бы так делать! Казалось бы — чего же проще? Микрофон, студия и сердце, полное огня. Твори всем на благо...

Потом Кике говорил о высоком долге, о поиске новых форм на информационном поле битвы и о приближающихся Октябрьских праздниках, когда коллектив радиостанции на всех языках мира будет освещать постановку оперы Вано Инцкирвели «Красный Октябрь», премьеры которой должна состояться 7 ноября во Дворце съездов и где впервые в мире образ Ленина будет воплощен могучим певцом на самом высоком уровне...

И вдруг Кике ни с того ни с сего угрожающе предупредил:

— Я знаю, что есть среди нас и те, кто, как говорится, наплевательски относится к высоким истинам, что принесли нам Октябрь и лично Ильич. Они могут быть даже и в этом зале: сидят сейчас и не плачут,

а потом приходится за них краснеть в ЦК партии. Мы таких горе-луковых выявим и будем с ними по-быстренькому расставаться. Для нас эти люди лишние. А в сущности, гнильца...

После «гнильцы» Кике уже никто не слушал. Сотрудники только зевали да перешептывались в ожидании завершения традиционного и заранее известного муторного монолога.

Толику все это порядком поднадоело.

То была обычная летучка с дежурными заклинаниями и поучениями, которую проводил главный редактор. Никакого смысла в политической болтовне в Радиодоме не было вовсе: просто так было заведено уже много лет, почти как обряд исцеления в племени бушменов.

Но, пока заведенным порядком мололся весь этот вздор, Толик не мог отделаться от мыслей о странном письме, что положили ему на стол перед самым началом собрания. Конверт ничем не выделялся из общего вороха корреспонденции, разве лишь тем, что был с припиской «лично». Поэтому Толик его и вскрыл. Послание было таким: «У ваших родственников или у вас есть ТО, что вам не принадлежит. Отдайте ЭТО нам, пока не начались неприятности. Хорошо?»

Толик отнесся к письму как к чьей-то дурацкой шутке и, порезав его на куски, швырнул в общую мусорную корзину. Однако уже на собрании, во время бессмысленного переливания из пустого в порожнее, он снова и снова вспоминал письмо. Только теперь анонимная угроза зудела в голове. Что-то в ней было особенное. Поэтому Толик совсем отключился от происходящего и стал делать предположения, кто же мог это написать.

Как только Кике разрешил расходиться, Толик поспешил к себе в редакционную комнату и хотел было изъять порезанный конверт из мусора и изучить подробнее, но обнаружил, что пластмассовая корзина пуста. Он спросил международного испаниста Костю Барышева, находившегося тут же:

— А что, мусор уже вынесли?

Барышев бросил безразлично, что не следит за техничкой.

Получив такой ответ, Толик насторожился. «Нет, здесь положительно что-то не то», — подумал он.

Проходя мимо буфета международного «Московского радио», он заметил Зоську, секретаршу товарища Кике, и решил с ней посплетничать. Они стали пить кофе. И тут подвалил Лева Сосновский. Загадочный, овеванный сплетнями, пересудами, бабьими ажитациями. Он подмигнул Толику, наклонился и сказал на ухо:

— Хочешь с Зоськой покадриться, женатый му-дила? Она же курва-лимитчица! Она утратила все добрые черты людей, живущих в деревне, и, приехавши в город, присосалась к товарищу Кике. Это она к тебе почему-то благоволит, а вообще-то, у нее две клички — Фашистка и Ильза Кох¹. Она, как немецкая овчарка, бросается на всех, кто рвется на прием к Кике. Пойдем-ка лучше на одну шикарную премьеру, там толку будет побольше, чем в нашем глубоко безнравственном буфете.

Толика удивляла прозорливость Левы: он все знал точно, все мог предсказать, а при случае сводить на закрытую вечеринку или показ. И хотя у Зоси был огромный бюст и эта рыжая, белокожая, с конопатиной сука-стерва-оторва возбуждала в нем половой инстинкт, Толик, рассудив, все же решил пойти с Сосновским.

Почему?

Да потому, что по взгляду Левы он понял: вечер предвещает какую-то тайну и интригу. Разжигая свою авантюру, Сосновский сказал ему, что сегодня *для своих* будет показан фильм Элема Климова «Агония». ЦК, мол, не хочет выпускать картину в прокат из-за мистики, секса, православия и откровенного

¹ Ильза Кох (1906–1967) — жена коменданта концлагерей Бухенвальда и Майданека Карла Коха, имела прозвища Сука Бухенвальда и Фрау Абажур.

облизывания Григория Распутина. Рабочий класс этого не поймет и не примет. Но для элиты и богемы было сделано исключение. В кинозале режимной гостиницы ЦК КПСС «Октябрьская» в Плотниковом переулке, где селятся тусклые латиносы и арабские боевики с фальшивыми паспортами, где невзрачные кейсы с золотом партии передают ошалевшим от кокаина сыновьям иностранных вождей, — именно тут и решили прокрутить «Агонию» навстречу шестидесятилетию Октября.

В «Октябрьской» вообще любили показывать не какую-нибудь «Волгу-Волгу», а «Вампирш-лесбиянок» с Соледад Мирандой¹ или «Гологрудую графиню» с Линой Ромей², «Сало, или 120 дней Содома» Пазолини³ и, конечно, любимую брежневскую «Эммануэль», с которой, как уверял всезнающий Сосновский, генсек пытался вступить в переписку.

В кинозале «Октябрьской» всегда можно было найти лишнее местечко, с невыкупленной бронью компартии Испании, Управления делами ЦК КПСС или Центрального аппарата КГБ. Но дикий аншлаг случился только однажды — на фильме «Изнасилование вампира» Жана Роллена⁴, который, по слухам, тайно прилетал в Москву и на премьере в «Октябрьской» дарил зрителям афродизиаки.

¹ Соледад Миранда (1943–1970) — испанская киноактриса и исполнительница фламенко, снималась в откровенных картинах.

² Лина Ромей (1954–2012) — испанская актриса, снимавшаяся в фильмах о вампирах, где преобладали элементы максимальной эротики.

³ Пьер Паоло Пазолини (1922–1975) — итальянский режиссер и писатель, близкий к коммунистам. Последняя его картина «Сало, или 120 дней Содома» была наполнена откровенными сценами. Убит в Остии.

⁴ Жан Роллен (1938–2010) — французский кинорежиссер, создатель особого авторского жанра, совмещавшего эстетику фильмов ужасов с эротикой и даже порнографией.

Откуда про все эти слухи и показы знал Сосновский, Толик догадывался. Да и его ушлый тесть дон Балтасар намекал, что Лева парень непростой: он его однажды увидел в гостинице МИДа на набережной Тараса Шевченко, там, мол, простые люди не появляются. Про Сосновского ему твердил и неудачник Борька, который, окончив факультет научного коммунизма МГУ, устроился работать дворником в Министерство иностранных дел.

— Этот твой Сосновский — совсем не тот, кем он тут себя выставляет, — говорил он. — Держись от него подальше. Я его в таких местах видел, что не приведи господь!

Все они Леву где-то видели и что-то о нем знали, а Толик считал: если Сосновский может устроить проход на закрытый просмотр, да будь он хоть сам Мефистофель, надо пойти в эту гостиницу.

По правде сказать, половина контингента «Московского радио», где Толик работал, принадлежала к пенсионерам клана рыцарей плаща и кинжала, истории о которых вся страна лицезрела в «Семнадцати мгновениях весны».

Особая таинственность порождала и особую гордость сотрудников Дома на Пятницкой. Тут существовало общество викторианских джентльменов, которых почему-то принуждали слушать бредовые политинформации, хотя со многими героями международных новостей они были лично знакомы в своих прошлых личинах. Масок они не снимали даже на работе.

Толик, правда, к ним не относился. Его туда пропихнули по благу испанские родственники жены. Но вместе с лихими ребятами на радио он был частью низовой советской номенклатуры, получал свои маленькие и, как говаривал Толик по пьяни, унижительные блага от «кровоаво-красного дьявола».

Дьявол когда-то сожрал его отца, крупного советского номенклатурщика, и закусил его матерью, но, слава богу, ее не проглотил, а, поперхнувшись, выплюнул.

«Так чего уж тут, — рассуждал Толик, отгоняя от себя все страхи, — с волками жить — по-волчьи выть!» Волки тоже были с этим согласны, когда внимательно слушали его в эфире радиостанции.

2

В тот вечер портье цековского отеля «Октябрьский», отличавшийся военной выправкой, проверив пропуск Сосновского и паспорт Толика, занес их данные в свой блокнот.

Но с фильмом не повезло. В самый последний момент «Агонию» Климова заменили итальянским фильмом ужасов «Кровавая церемония» с Лючией Бозе¹ в роли графини Батори². Заменили безо всяких извинений, сообщив лишь, что эта картина ничуть не хуже и к тому же воочию показывает уровень морального разложения западной поп-культуры.

Увидев на экране обнаженную Бозе, принимающую ванну из крови девственниц, Толик нервно пробормотал:

— Боже, какая сила в этой красавице! Она умеет выставить себя. Ух, какая чертовка!

— Еще бы! Ты, наверное, старик-сексуальч, немало таких в жизни встречал? — подколот Сосновский.

— Эта бестия еще и жена тореадора Домингина!³ — восхитился Толик.

¹ Лючия Бозе (1931–2020) — итальянская киноактриса, известна также тем, что в 2000 году в Турегано в Сеговии открыла первый в мире Музей ангелов.

² Елизавета Батори (1560–1614) — венгерская графиня, известная убийствами девственниц и вампиризмом.

³ Луис Мигель Домингин (1926–1996) — испанский матадор из профессиональной династии Домингинов, его образ использовал Э. Хемингуэй в книге «Опасное лето» (1960).

Сосновский как будто не придавал этому факту значения, хотя оценил статью и сексуальность мрачно-новой дивы.

Просмотрев фильм, друзья решили обсудить его в местном баре.

Перед входом в цековский шалман стоял новый цербер, и процедура с пропусками и паспортами повторилась.

— Эта гостиница — какой-то лабиринт, — раздраженно выпалил Толик, — за каждым поворотом тут тебя ждет новый охранник!

— Да не кипятись ты, — сказал примирительно Сосновский. — Охранники — это элементы статуса исключительности и привилегированности. Чем выше уровень, тем больше охранников у дверей.

В этот момент из-за колонны вынырнул однорукий Эухенио. Он был испанским эмигрантом и приятелем тестя Толика. Пожилой, одевавшийся как попугай, он частенько раздражал всякими вопросами, назойливостью, поучениями.

— Вот не ожидал тебя увидеть на такой откровенной картине, — сказал испанец. — Ведь она настолько порочна!

— Мне уже давно исполнилось шестнадцать, Эухенио. Или вам это неизвестно? — вспыхнул Толик.

— Я просто спросил тебя, увидев, что ты без жены, — продолжал испанец.

— Поверьте мне, а еще лучше зарубите на носу — я живу в полном соответствии с моральным кодексом строителя коммунизма! И еще, пожалуйста, держитесь от меня подальше! — выпалил раздраженный Толик. — А то, знаете, хотя мои русские гены меня сдерживают, но кавказские подбивают немного вас память.

Эухенио, кисло улыбаясь, поплелся из бара, а Толик проводил его взглядом, полным презрения.

Только удобно примостившись за барной стойкой, он смог успокоиться. Выпив, Толик принялся

раскладывать «Кровавую церемонию» по полкам, разглядев в ней то, чего и быть там не могло. Но Сосновский, хоть и был благодарным слушателем, оборвал Толика, обозвав испанский фильм «сусальной мистикой», сварганенной еще при фашисте Франко. Нашел, что там чрезмерно много крестов, монахов, голых баб и мужиков, ну а напитки из якобы человеческой крови цвета клюквы ему показались откровенной лажей.

Однако, отхлебнув «Кровавой Мери», Сосновский сдул свой критический пафос. Он перестал замечать приятеля и принялся строить глазки смазливой аргентинке, примостившейся за соседним столом. Он стал нахваливать ей Толика и нагло заявил, что у них обоих есть для нее эмоциональный план, который сделает поездку в красную Москву просто незабываемой.

Но аргентинка у Левы не клеилась. А когда Сосновский назвал ее *chica*, то есть девочка, она строптиво поправила: «Я тебе не чика, а сеньорита». И показала ему средний палец правой руки.

Вот в тот момент Толик почувал тревогу, да так сильно, что у него аж заныло плечо. Он обернулся и заметил глаза, которые смотрели на него из-за стола в дальнем темном углу барного зала. Они жили сами по себе, то мерцая по-кошачьи, то затухая, словно их и нет. Но Толик чуял этот взгляд, даже не оборачиваясь. А Сосновский настырно клеил аргентинку, видимо считая это делом престижа.

Но вдруг Лева оглянулся именно на «кошачьи глаза» и сделал какой-то знак. Ну то есть даже не знак, а легкое движение рукой, которое можно было бы счесть случайностью. Но Толик сказал себе: «Э... что-то здесь не так». Аргентинка на ухаживания не велась, и, тогда бросив гиблое дело, Сосновский обернулся и спросил приятеля:

— А что у тебя-то новенького?

— Новенького? Веду целый цикл передач о советской опере на языке индейцев кечуа. Сегодня переска-

зывал им душераздирающие либретто опер «Аршин Мал Алан» Узеира Гаджибекова¹ и «Абесалом и Этери» Захарии Палиашвили². Говорил, говорил, а сам представлял, как где-то в Андах у жерла вулкана сидят эти пастухи в окружении лохматых лам и слушают мои байки, наблюдая опасное извержение.

— Толь, эти твои индейцы Европе сифилис пода-рили, — печально произнес Сосновский, — они ведь спали со своим скотом и заразились от него этой дрянью. Вот что принесло нам всем открытие Америки. А мы теперь все это давай расхлебывай...

— Так-то оно так, но ведь эти индейцы — они создали великую культуру... Они ведь такие там пирамиды и города построили... — стал защищать аборигенов Толик и вдруг спросил в лоб: — Скажи мне, Лева, а что за человек сейчас за нами наблюдает?

Сосновский, не поворачиваясь, ответил:

— Да из Шестого управления КГБ, наверное. Сейчас мы с тобой под микроскопом. И все про нас известно. Как будто бы.

Сосновский ухмыльнулся, а Толик демонстративно обернулся на смотревшего: тот продолжал буровить их глазами. Ему явно что-то не нравилось. Но что?

— Толь, да не обращай внимания. Работа у него такая, — продолжал Сосновский. — Ты мне лучше вот что скажи — у тебя никто из знакомых там адвокатов, или врачей, или просто евреев или армян не собирает индейские безделушки из Мексики, приличные вещи из золота и даже платины? Ведь такие же встречаются в Москве? Правда? Твоя жена Кармен общается с актрисой Павловой, а она имеет большой авторитет среди антикварных дельцов. Я эту бабуся пару раз

¹ Узеир Гаджибеков (1885–1948) — азербайджанский советский композитор, классик. Народный артист СССР (1938).

² Захария Палиашвили (1871–1933) — грузинский советский композитор, классик. Народный артист Грузинской ССР (1925).

видел с такими додиками! Может быть, она что-то знает? Про мексиканские фетиши ходит много легенд по Москве. Их, кажется, привезли сюда испанские эмигранты? Есть люди, которые могли бы их купить. Серьезные, влиятельные, с большими возможностями и на условии полной анонимности.

Толик смерил взглядом Сосновского. Тот натянуто улыбнулся. До того неестественно, что казалось, у него на лице пластмассовая маска.

— Знаешь, Лева, — ответил Толик, — у масонов есть такая мистическая фигура — «лев в молчании». Помолчу-ка и я лучше. Хотя нет, постой... А сколько стоит то, что мы здесь выпили?

Толик потянулся в карман за деньгами.

— Брось, — дружески ударил его по плечу Сосновский. — Это ничего не стоит. Бар входит в систему управления делами ЦК партии, за его счет мы и выпили. Ведь мы же с тобой бойцы идеологического фронта.

— Мы с тобой оба иезуиты, но каждый по-своему, — посетовал Толик.

Сосновский добродушно рассмеялся.

— У лжи есть такая сладость, которая мозг затуманивает, она называется надеждой. А ясность-то всегда негативна. Я, конечно, про себя говорю, — пояснил Толик.

— Какой же ты бука, честное слово! — Лева обернулся к тому самому типу и нагло подмигнул ему, чем, кажется, смутил наблюдателя.

Распрощавшись на крыльце гостиницы, каждый пошел своим путем: Лева на метро, а Толик по Плотникову переулку к Арбату. Проходя мимо гастронома «Диета», он взглянул на горящее окно на втором этаже прямо над магазином. Там, за шторой темнела тень его тестя дона Балтасара.

«А может, к нему имели отношение вопросы Левки об индейских безделушках? — размышлял Толик. — Ведь тот в последние дни нет-нет да и спрашивал о тесте».